

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра археологии

Международная научная конференция

***Вторые чтения
памяти И.В. Яценко***

Москва, Россия, 17–18 декабря 2021 года

Тезисы докладов

Москва

2021

Ирина Владимировна Яценко

(28 августа 1921 – 6 октября 2014)

А.С. Балахванцев (Москва)

**Ранние сарматы в письменных источниках IV–II веков до н. э.:
хронология и локализация**

Впервые этноним «сарматы» в форме «сирматы» появляется в созданных в середине – третьей четверти IV в. до н. э. в работах Евдокса Книдского (apud St. Byz., s.v.) и Псевдо-Скилака (Ps.-Scyl. 68. 5) и обозначает народ, живущий у Танаиса (Евдокс) или на побережье Меотиды к западу от Танаиса (Псевдо-Скилак). Начиная с последней четверти IV в. до н. э. источники используют только написание «сарматы». Так, именно сарматы упоминаются на поддоне чернолаковой тарелки с акрополя Пантикапея (последняя четверть IV в. до н. э.) и в херсонесском декрете о «несении Диониса» (первая четверть III в. до н. э.). О Сарматии, заменив этим топонимом «землю савроматов», фигурирующую в труде Гераклида Понтийского, пишет ок. середины III в. до н. э. Каллимах из Кирены (Her. Pont. fr. 128 = Callimach. 407, 91). Полибий, передавая содержание договора, заключенного в 179 г. до н. э. между правителями и полисами Малой Азии, Закавказья, Западного и Северного Причерноморья, говорит даже о расположенном в Европе царстве сармата Гатала (Polyb. XXV. 2. 13).

Намек на угрозу со стороны сарматов для занятых уборкой урожая граждан Херсонеса, а также включение сарматского царя Гатала в мирный договор, подписанный в 179 г. до н. э., убедительно свидетельствуют о том, что упомянутые в этих источниках сарматы III–II вв. до н. э. обитали отнюдь не в Прикубанье или волго-донских степях, а находились в относительной близости от Херсонеса, скорее всего – на северном побережье Меотиды.

И.В. Бруяко (Одесса)

**Античный импорт VII века до н. э. в Северном Причерноморье
(о закономерностях распространения и их возможных разъяснениях)**

Начальная стадия истории греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье крайне скупо освещена античной литературной традицией. В таких случаях мы привычно обращаемся к археологии, предоставляющей в наше распоряжение некий блок источников по данной проблеме. Пожалуй наиболее ярким и информативным компонентом этого блока является античная керамическая продукция, обнаруженная на самых разных памятниках варварской периферии, в самых разных ее областях. Именно анализ этой группы материала, несмотря на ее немногочисленность, занимает исследователей на протяжении столетия. Процесс чрезвычайно захватывающий и увлекательный, как и изучение всякого порогового смысла, а античный керамический импорт в Причерноморье VII в. таковым, безусловно, является. При этом нужно иметь в виду, что данная категория неоднородна и состоит из двух разновидностей – парадной расписной керамики и амфорной тары. Соответственно исследования ведутся в основном двумя группами специалистов.

Историография вопроса весьма обширная, но, главным образом, вся она сводится к параметрам критики источника. В частности, это проблема центра производства керамической формы в метрополии, ее датировка, а также вторичный (понтийский) источник поступления к варварам. При этом, если в отношении распространения тарной керамики существует солидарное мнение, согласно которому это и есть начальная фаза собственно торговых отношений, то развернутое объяснение феномена парадной восточнореческой керамики в глубинах варварского хинтерланда чаще всего отсутствует. Обычно все сводится к самой общей констатации неких контактов между эллинами и варварами, что, собственно говоря, в своем внешнем качестве, как некой формы, достаточно очевидно. Но что касается содержания,

сущности этих самых контактов, то на этот уровень обобщения выходят крайне редко. В докладе предлагается одно из возможных и вполне конкретных объяснений этому явлению.

Н.В. Ефремов (Грайфсвальд), А.Б. Колесников (Москва)

К вопросу о контактах Северного Причерноморья с Карфагеном по материалам керамических клейм

1. Анализируются два редких клейма на горлах амфор одного из пунийских центров или самого Карфагена. Первое клеймо из Нимфея представляет собой простой символ: крест в круглой рамке. В наиболее полном издании пунийских амфор Р. Торреса учтены три схожих клейма. Второе клеймо из поселения Вышестеблиевское 3 содержит изображение богини Танит со стилизованно переданным полумесяцем над головой, помещенное в круглую рамку с пунктирным обрамлением. Полные аналогии этому оттиску известны из Карфагена и Помпей. Характерными признаками амфоры из Вышестеблиевского 3 являются цилиндрическое тулово и плоский широкий, слегка нависающий клювовидный венеч.

2. Богиня Танит особо почиталась в Карфагене в качестве городского божества наряду с Баал-Хаммоном. Эмблемой божества была трапеция, закрытая сверху горизонтальной линией с кругом посередине. Позже вместо трапеции чаще фиксируется равнобедренный треугольник. Саму Танит иногда изображали с львиной головой, отмечая ее воинские черты. В эллинистический период она была объектом культа в пунийских колониях по всему Западнему Средиземноморью. Богиня была покровительницей и защитницей, поэтому ее знак наносился даже на борта кораблей.

3. Фрагменты карфагенских амфор были обнаружены в Ольвии и Херсонесе и на Елизаветовском городище. В настоящее время известны пять регионов производства т.н. карфагенских амфор. Такие сосуды были широко распространены в Западном Причерноморье. После разрушения Карфагена производство амфор этого типа продолжалось на окраинах Карфагенской державы до второй половины I в.

4. Среди товаров, вывозимых в пунийских амфорах, источники отмечают прежде всего оливки и оливковое масло, соленую рыбу и рыбный соус – *garum*. Кадис славился переработкой пурпурных улиток. Важной статьей экспорта из Финикии и Карфагена являлись глазчатые бусы. Можно только гадать, что конкретно доставляли в пунийских амфорах. Они известны в Восточном Средиземноморье, в частности, в Афинах, Коринфе, Эфесе, хотя и не являются там массовым материалом. Вполне вероятно, что именно оттуда через посредничество торговцев из Эгейского мира, возможно, как дополнение к основному грузу корабля они попали в Северное Причерноморье. Тщательная идентификация вновь находимых амфорных фрагментов позволит в будущем получить более обширную информацию по пунийскому импорту в регионе.

С.А. Зинченко (Москва)

Навершия с изображением женского божества из Александропольского кургана: о возможности персонификации

В составе обнаруженного в 1851 г. комплекса из Александропольского кургана присутствуют несколько наверший с сильно стилизованным изображением крылатого женского божества (?). Навершия хранятся в собраниях Харьковского исторического музея имени Н.Ф. Сумцова и Государственного Эрмитажа и датируются 330–300 гг. до н. э. (согласно А.Ю. Алексееву) или 340–330 гг. до н. э. (согласно С.В. Полину). Оформление нижней части женского изображения крайне стилизованно, и до сих пор у исследователей

нет устоявшейся точки зрения на ее трактовку. Существуют различные варианты идентификации того, что могло бы лежать в основе стилизации при оформлении нижней части: распахнутая юбка, редуцированные змеевидные или растительные элементы, а также изображения зверей. Для оценки перспектив соотнесения изображений на нижних частях наварший с определенным кругом вероятных персонажей/божеств необходимо определить какие иконографические схемы могли быть использованы как возможные прототипы для оформления этих частей. То есть возможность персонификации женских изображений с конкретным божеством или отсутствие таковой находятся в тесной взаимосвязи от выявления используемой при создании образа иконографической схемы.

В рассматриваемых образах, в силу предельной редукции важных иконометрических элементов, затруднительно точное определение исходной иконографической схемы. В качестве таковых могли быть привлечены схемы, связанные в большей мере с презентацией *Πότνια Θηρών* и *Rankenfrau* («прорастающей девы»). В искусстве евразийских степей и античных центров Северного Причерноморья в IV в. до н. э. имеется немало связанных с применением этих иконографических схем примеров, анализируя которые можно попытаться реконструировать возможный исходный прототип или высказать предположение об отсутствии такового. При работе с аналогиями обращается внимание не только на возможный иконографический прототип, но и на присущую им (прототипам) многоплановость возникающих ассоциаций и отсутствие изначальной соотнесенности с определенными божествами. Возможности персонификации женских божеств (?) на наварших из Александропольского кургана будут существенно ограничены с одной стороны художественными особенностями рассматриваемых памятников, с другой – спецификой трансляции вероятно используемых иконографических схем, не привязанных к конкретным персоналиям.

*А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, М.А. Статкус, Н.В. Ениосова, О.В. Орфинская,
И.В. Абдрашитова, А.К. Авакян, Д.В. Альбов, В.В. Чернышев, Е.Г. Яновская
(Москва)*

Загадочный предмет из кургана 1 скифского могильника Новозаведенное III

В 2018 г. Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ в ходе раскопок крупнейшего кургана (№ 1) скифского могильника Новозаведенное III, относящегося к последней трети V – IV в. до н. э., был обнаружен загадочный предмет. Он входил в состав погребального инвентаря основного погребения (№ 9), в котором на дне могильной камеры, в центре, на органической подстилке/ложе на расстеленном железном чешуйчатом панцире некогда покоился мужчина – представитель скифской аристократии. Его останки были сброшены с ложа древними грабителями. Несмотря на ограбление, произошедшее еще до обрушения перекрытия, сохранились (в разрозненном состоянии) предметы, сопровождавшие покойного: фрагменты железного меча, нескольких копий и ножей, бронзовые наконечники стрел, золотой перстень, элементы конского снаряжения, плита-терочник, пять крупных керамических кувшинов, а также две керамические миски.

Отдельно в северо-западном углу могильной ямы, куда не удалось добраться грабителям, на расстоянии около 50 см к северу от погребального ложа располагалось скопление предметов, сохранившихся *in situ*. Основную массу данного скопления (его диаметр около 20 см) составляли янтарные бусины (616 экз.). Здесь также были обнаружены гагатые бусы, три схожие крупные бусины из зеленоватого стекла, крупная бусина из горного хрусталя, свинцовая бусина, кусочки реальгара и серы, а также фрагменты двух небольших бронзовых булавок, распавшихся на части.

В центре этого скопления находился монолитный предмет в виде шара с полусферическим выступом в верхней части, сделанный из плотного светлого вещества

(высота предмета – 6,1 см, максимальный диаметр – 8,6 см). На поверхности объекта были зафиксированы пятна желтого порошка, темные рыхлые пятна и остатки органического вещества с прикипевшим фаянсовым бисером.

Для исследования этого предмета использованы микрорентгенофлуоресцентный анализ, электронная микроскопия, оптическая микроскопия органического материала в проходящем поляризованном и отраженном неполяризованном свете, рентгенография и компьютерная томография, рентгенофазовый анализ. Исследования проводились на историческом и химическом факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова, в НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева и в ООО «Продис. НДТ».

На основе полученных результатов было установлено, что данный предмет был сформован из истолченного мягкого минерала – гиббсита (гидраргиллита), а затем покрыт специально приготовленным составом, содержащим сульфат и, возможно, карбонат кальция и мелкую стружку металлического олова. Вероятно, в первоначальном виде предмет имел блестящую металлическую поверхность. Предположительно он был помещен в кожаный мешочек, расшитый бисером с помощью шерстяных ниток. Сверху на данный предмет был уложен серебряный браслет с золотой плакировкой, сохранившийся во фрагментах, к которым прикипели кусочки серы и отдельные янтарные бусины.

В составе проб изучаемого монолитного предмета был зафиксирован минерал натрояррозит, возможно, связанный с пятнами желтой охры, обнаруженной на внешнем слое изделия. Можно предположить также, что видимые на томографических срезах уплотнения и трещины в однородном материале, составляющем объект, образовались в результате длительного неравномерного усыхания порошка внутри мешочка уже в погребении.

Для уточнения полученных данных и дальнейшего изучения природы минеральных и органических компонентов, использованных при изготовлении загадочного и уникального предмета из могильника Новозаведенное III, мы планируем выполнить петрографический и рентгенофазовый анализ, Рамановскую и ИК спектроскопию.

А.С. Клемешов, А.А. Малышев (Москва)
Хронология Верхнегостагаевского городища

В центральной части исторической Синдики, на перевале из Анапско-Натухаевской долины в долину р. Гостагайка исследуется городище, неприступность которого была обеспечена не только рельефом, но двумя поясами фортификационных сооружений.

Полученные материалы позволили датировать период бытования крепости эпохой Великого переселения народов. Нижнюю границу – начало IV в. н. э. – очерчивают находки двух бронзовых позднебоспорских статеров. Более многочисленный керамический материал типичен для культурных слоев причерноморских памятников конца IV – V в. Краснолаковая керамика, представленная импортными формами LRC (*late roman ceramic*) 3C, LRC 3B, PRSW (*pontic red slip ware*) 1, датируется в пределах конца IV в. – третьей четверти V в. Не противоречат указанным хронологическим рамкам профильные части узкогорлых светлоглиняных амфор типа E и F, а также ручки и стенки форм LRA (*late roman amphora*) 1A, LRA 2, LRA 3. Не менее типичны для позднеантичных контекстов Северного Причерноморья фрагменты двух сосудов из прозрачного оливкового стекла с синими каплями на тулове.

Находка боспорского сестерция Савромата I (98–103/104 гг. н. э.) у подножия внешней оборонительной стены, по-видимому, связана с перевальной тропой, которая функционировала в раннеримское время.

Материалы абсолютного датирования наряду с археологическими находками, в частности, фрагмента византийского блюда (монокромной сграффито) XIII в., маркируют наиболее поздний период в истории этого памятника

Ю.Г. Кокорина (Москва)

**Из опыта Российского государства по охране памятников скифской археологии
(XVIII–XIX века)**

Несмотря на возросший интерес к истории археологии, скифологии и государственной политике в отношении культурного наследия вообще и археологических памятников, в частности, применительно к наследию скифов данная работа проводится впервые, в чем видится ее новизна.

Историография проблемы распадается на несколько составляющих:

1) работы по истории археологии обобщающего характера; 2) работы, посвященные государственной политике России в области охраны культурного наследия; 3) труды по скифской археологии.

Покровителями исследований в области скифологии часто становились императоры или члены императорской фамилии. Начало этому было положено посылкой в Императорский Эрмитаж находок из Куль-Обы, и вручение лично Николаю II золотого Воронежского сосуда. Теми официальными лицами, которым доставляют обнаруженные в курганах находки, становятся военные: А.П. Мельгунов, Н. Ю. Патиоти, И.Е. Стемповский и П. Дюбрюкс. Руководителем Императорской Археологической комиссии, членами которой будут сделаны многие открытия скифских курганов, назначается граф С.Г. Строганов – боевой генерал, участник Бородинской битвы, начальник ополчений Нижегородской и Московской губерний во время Крымской войны. Отчеты Археологической комиссии, Известия Археологической комиссии, Материалы по археологии России, начавшиеся изданием «Древности Геродотовой Скифии», заложили основу скифской археологии как научной дисциплины. Создавались местные научные общества (Одесское, Воронежская Ученая Архивная Комиссия).

Раскопки богатейших скифских курганов производят люди, занимавшие высокое положение в обществе и ИАК: И.Е. Забелин, В.Г. Тизенгаузен, А.А. Бобринский, Н.Е. Бранденбург, Н.И. Веселовский, А.Е. Люценко. Последний имел ряд государственных наград, но умер в нищете. В 1820–1830-е годы российское правительство предпринимает ряд мер по пресечению бесконтрольных археологических раскопок (указы 1834 и 1835 гг.), но в Воронеже и Керчи шел открытый грабеж курганов, а переплавлявший золото Келермесских курганов Д.Г. Шульц практически остался безнаказанным. Для проведения исследований и выкуп ценностей государство выделяло значительные суммы, в том числе и в годы русско-японской войны. Опыт Российского государства в охране памятников может оказаться полезным для современной России.

С.Б. Ланцов (Симферополь)

Святылище поздних скифов на Кульчукском городище в Северо-Западном Крыму

Укрепленное античное городище Кульчук с могильником располагаются на глиняном обрыве степного черноморского южного побережья полуострова Тарханкут в 2,5 км к югу от с. Громово Черноморского района Крыма. Выделяется три основных этапа его существования: херсонесский – вторая половина IV – II в. до н. э.; позднескифский – середина II в. до н. э. – I в. н. э.; хазарское поселение – IX–X вв. н. э.

Донузлавская экспедиция ИА Крыма РАН последние годы производила исследования в разных местах Кульчукского городища, включая его западную часть. В северо-западном углу, образованном наружными монументальными стенами херсонесских усадеб № 3 и 4, возведенными не позже III в. до н. э. и используемыми в дальнейшем как херсонесцами, так и крымскими скифами во II в. до н. э. – I в. н. э., наряду с многочисленными каменными

строительными остатками, выявлен контур фундаментов и кладок позднескифского дома с несколькими соединенными проемами комнатами.

Не все помещения пока открыты, пока можно судить лишь о трех (№ 7, 9, 11). Их стены сложены в варварской строительной иррегулярной технике на грязевом растворе с нечеткой порядовкой кладки из разновеликих необработанных камней и вторично использованного обработанного известняка ранних греческих построек. Полы трех комнат полностью замощены, в два уровня, с небольшим по толщине (до 0,25 м) слоем золистого неплотного суглинка между ними, который открыт на глубине 1,05–1,30 м от уровня современной поверхности.

Упомянутый дом относится к третьему или второму (считая сверху) позднескифскому строительному периоду или даже горизонту общей застройки поселения в конце II – середине I в. до н. э. В целом керамический комплекс из слоя между двумя его разновременными замощенными полами, тяготеет ко II в до н. э. К этому же времени принадлежит и найденная в составе строительной жертвы в помещении № 9 тетрадрахма Тенедоса.

Это небольшое помещение (№ 9), расположенное в юго-восточной части дома, площадью меньше 30 кв. м, отличалось от остальных. Внутри него, вдоль северной и восточной стен, были сооружены прямоугольные плоские каменные панели, возможно, ритуального характера, слегка возвышающиеся над вымосткой № 2.

В средней части восточной площадки целенаправленно был установлен вертикально неоднократно использованный прямоугольный рустованный блок из ранней эллинистической постройки. Он возвышается над ритуальной площадкой на 0,50 м и над вымосткой пола на 0,72 м. Вероятно, во всех его четырех верхних углах были сделаны отверстия, очевидно, для привязи животных. Полностью сохранились отверстия в двух углах блока и частично в третьем. Северо-восточный угол отбит еще в древности. В верхней горизонтальной (торцовой) части блока располагается искусственное чашеобразное углубление, размерами 0,15–0,20 м, глубиной 0,06–0,07 м.

Около западного фасада восточной площадки, с северной стороны от основания алтаря специально был уложен вторично использованный маленький фрагмент плиты с двумя врезными кольцами, возможно, тоже связанными с культом крымских скифов.

Предполагается, что помещение № 9 (с каменными алтарем и двумя горизонтальными напольными возвышенными площадками) являлось святилищем крымских скифов. Кажется, подобное позднескифское культовое сооружение (порой называемое баней) было обнаружено на соседнем городище Беляус. Их сближает ряд конструктивных особенностей.

Некоторое сомнение по поводу культового предназначения помещения № 9 вызывает наличие в его юго-западном углу остатков синхронной округлой загородки, сложенной из камня, а также обнаружение *in situ* каменной прямоугольной поилки (корытца) для скота или птиц, стоящей около южной стены, с запада от дверного проема.

Учитывая наличие отверстий, предположительно, для привязи скота на алтаре, возможно, варварское святилище одновременно являлось и хлевом, где за загородкой содержались, например, несколько особей мелких домашних животных, необходимых для отправления культа. Культовое назначение могло иметь не только одно помещение с алтарем, но и весь дом (как «храм») или его часть.

Датировка жертвенной монеты и ее высокое достоинство вызывают желание усмотреть в таком даре отражение веротерпимости понтийских военнотружеников, размещенных после победы над скифами на Кульчукском поселении, по отношению к отправлению чужих варварских культов, в частности, и конкретное проявление политики Митридата VI к коренному населению, в целом.

На следующем этапе функционирования указанного поселения помещение № 9 (святилище) было сначала перестроено самими же «скифами», а алтарь оставлен на месте в

качестве строительного материала новой стены, в которую он был вмурован. В финальный период существования жизни в скифском поселке на рубеже эр стены последних жилых построек, в основном, соответствовали направлению и метрологическим параметрам прежних каменных кладок, но они были возведены уже над руинами прежних лет.

С.В. Махортых (Киев)

Раннескифские колчаные наборы Днепровского лесостепного Левобережья

Доклад посвящен рассмотрению бронзовых втульчатых наконечников стрел, выявленных в погребальных памятниках VII–VI вв. до н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. Эти предметы вооружения входят в число наиболее представительных и аутентичных категорий раннескифской материальной культуры. Основными областями их распространения являются Посулье (не менее 14 захоронений) и в особенности Поворсклье (более 22 захоронений), где в эпоху скифской архаики локализовались центры скифского племенного объединения. Помимо этого, на Бельском городище и в его округе (бассейн средней Ворсклы) обнаружены находки литейных форм для отливки бронзовых наконечников, а также стрелы с неудаленными литниками, что свидетельствует об их изготовлении на этом памятнике. Помимо Посулья и Поворсклья, раннескифские наконечники стрел найдены в бассейне Северского Донца (Люботин, Малая Рогозянка) и Приднепровской террасовой лесостепи (Гладковщина), где они, однако, представлены незначительным количеством археологических объектов (менее 10). Несмотря на разграбление большинства захоронений, сохранились комплексы с представительными стрелковыми наборами: Старшая Могила (209 экз.), Лихачевка, курган 1 (117 экз.), Аксютинцы, курган 4 (66 экз.) и др. Ряд информативных погребальных памятников региона с раннескифскими колчанными наборами позволяет выделить среди наконечников стрел несколько типологических групп и определить динамику их распространения во времени. Так, например, если в левобережной Приднепровской террасовой лесостепи и на Северском Донце раннескифские колчаные наборы датируются, главным образом, в рамках первой половины VI в. до н. э., то в бассейне средней Ворсклы известны наборы стрел второй половины – конца VII в. до н. э. Хроноиндикаторы комплексов со стрелковыми наборами включают как импортные (древневосточные и греческие), так и местные «скифоидные» изделия. Следует подчеркнуть важность такого вида археологического источника как колчаные наборы для изучения многих аспектов древней истории лесостепной Скифии, в том числе и хронологии локализуемых здесь памятников VII–VI вв. до н. э. Однако информативность этого источника во многом зависит от представительности сохранившихся колчанных наборов и характера сопровождающего их инвентарного комплекса, совместное изучение которых является необходимым условием получения надежной и достоверной информации.

Н.Г. Новиченкова (Ялта)

О коллекции терракотовых статуэток Ялтинского историко-литературного музея

Археологическая коллекция Великого князя Александра Михайловича, хранящаяся в Ялтинском историко-литературном музее и включающая произведения греческой вазопиσης и скульптуры, материалы раскопок римской крепости Харакс, является ценным источником по изучению истории, культуры и искусства Древней Греции и Рима, истории Южной Таврики. Она поступила в ялтинский музей в 1919 г. из имения «Ай-Тодор» вскоре после отъезда Великого князя Александра Михайловича за границу в декабре 1918 г. В собрании античной

керамики, содержащем около тысячи экземпляров, интересна коллекция терракот, насчитывающая 32 экземпляра. Почти все изделия, за редким исключением, сохранили свою целостность.

Среди терракот можно выделить несколько групп: изображения божеств, героев и мифологических персонажей (Аполлон, Нереида, Геракл, Афродита, Амур и Психея) – 7 экз., Эротов – 5 экз., статуэтки актеров и музыкантов – 4 экз., воина – 1 экз., статуэтки женщин – 9 экз., детей – 2 экз., животных (черепаха, вепрь, баран, голова быка) – 4 экз. Вотивные фигурки животных аналогичны найденным в некрополе и теменосе Ольвии. Особенностью коллекции является преобладание в ней статуэток женщин и Эротов.

Великий князь Александр Михайлович стремился сделать свою коллекцию античной керамики доступной для исследователей. С ней ознакомился Э.Р. фон Штерн, выступивший на одном из заседаний ООИД с докладом о ее составе и отдельных выдающихся образцах, опубликованном в 1904 г. в XXV номере Записок ООИД. Ученый отмечал, что в «коллекции ольвийских и керченских терракот в Ай-Тодоре <...> имеются предметы редкой красоты и ценности», подчеркивая, что «лучший номер этой коллекции терракот составляет статуэтка довольно крупных размеров античного воина». Данная статуэтка сохранилась, однако, с утраченным постаментом. Систематизацией коллекции античной керамики занимался К. К. Косцюшко-Валюжинич, помогая в 1907 г. Великому князю в создании музея для материалов из раскопок римской крепости Харакс. На внутренней стороне нижней части некоторых терракот, как и на днищах отдельных ваз, сохранились подписанные рукой К. К. Косцюшко-Валюжинича этикетки с номерами по описи и указанием помещения дворца имени «Ай-Тодор», в котором находились предметы. Так, известно, что несколько женских статуэток и статуэтка Амура и Психеи стояли в кабинете Великого князя.

В.В. Овсянников (Уфа)

Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода

В период IV–III вв. до н. э. в среде населения лесостепного Предуралья были популярны поясные застёжки в виде крючков. В настоящий момент мы располагаем сведениями о 32 металлических крючках. Все они происходят из памятников кара-абызской культуры. Крючки происходят из шести памятников: Уфимского (6 экз.), Шиповского (6 экз.), Охлебининского (7 экз.), Биктимировского (1 экз.) могильников, Табынского городища (1 экз.) и святилища у г. Курмантау (11 экз.).

Среди крючков встречены изделия как цельнометаллические (бронза или железо), так и биметаллические (бронза и железо). На щитках всех крючков имеются зооморфные изображения или орнамент. Наиболее представительная группа крючков (12 экз.) имеет на щитках стилизованное изображение фантастического хищника (по В.И. Гуляеву). Все они, за исключением одного образца, отлиты из бронзы (рис. 1, 1, 2). Бронзовые крючки с такими изображениями известны в памятниках ананьинской культуры (городище Грохань, Ананьинский и Шиховский могильники), куда они могли попасть в свою очередь от скифского населения среднего Дона (Мастюгино, Частые курганы).

Ядром второй представительной группы (11 экз.) кара-абызских крючков-застёжек являются изделия из бронзы и железа. Объединяющей чертой этих крючков является изображение на щитке крючка стоящей фигуры хищника с опущенной головой (рис. 1, 3–5). Поскольку практически все эти крючки являются копиями с импортных оригиналов, не всегда можно определить вид животного. На одной части изделий можно идентифицировать кошачьего, на другой – медведя. У трех застёжек крючок изготовлен в виде головы грифона (рис. 1, 4). Наиболее близкие аналогии для этой группы происходят из среднедонских памятников скифского времени. Также близок этой группе крючок из Филипповского

могильника. В ананьинских древностях подобные изделия не известны, за исключением изделий из с. Чурачики в Чувашии.

Еще девять крючков-застежек не представляют собой единой серии. Только на двух из них можно четко идентифицировать изображения медведя и верблюда.

Таким образом, у кара-абызских мастеров одним из основных образцов для подражаний являлись изделия среднедонских скифов, возможно, частично полученные через посредство еще ананьинской изобразительной традиции, наследниками которой эти мастера и являлись. Другим немаловажным источником для вдохновения могли служить образцы, полученные от их соседей – ранних кочевников Южного Приуралья.

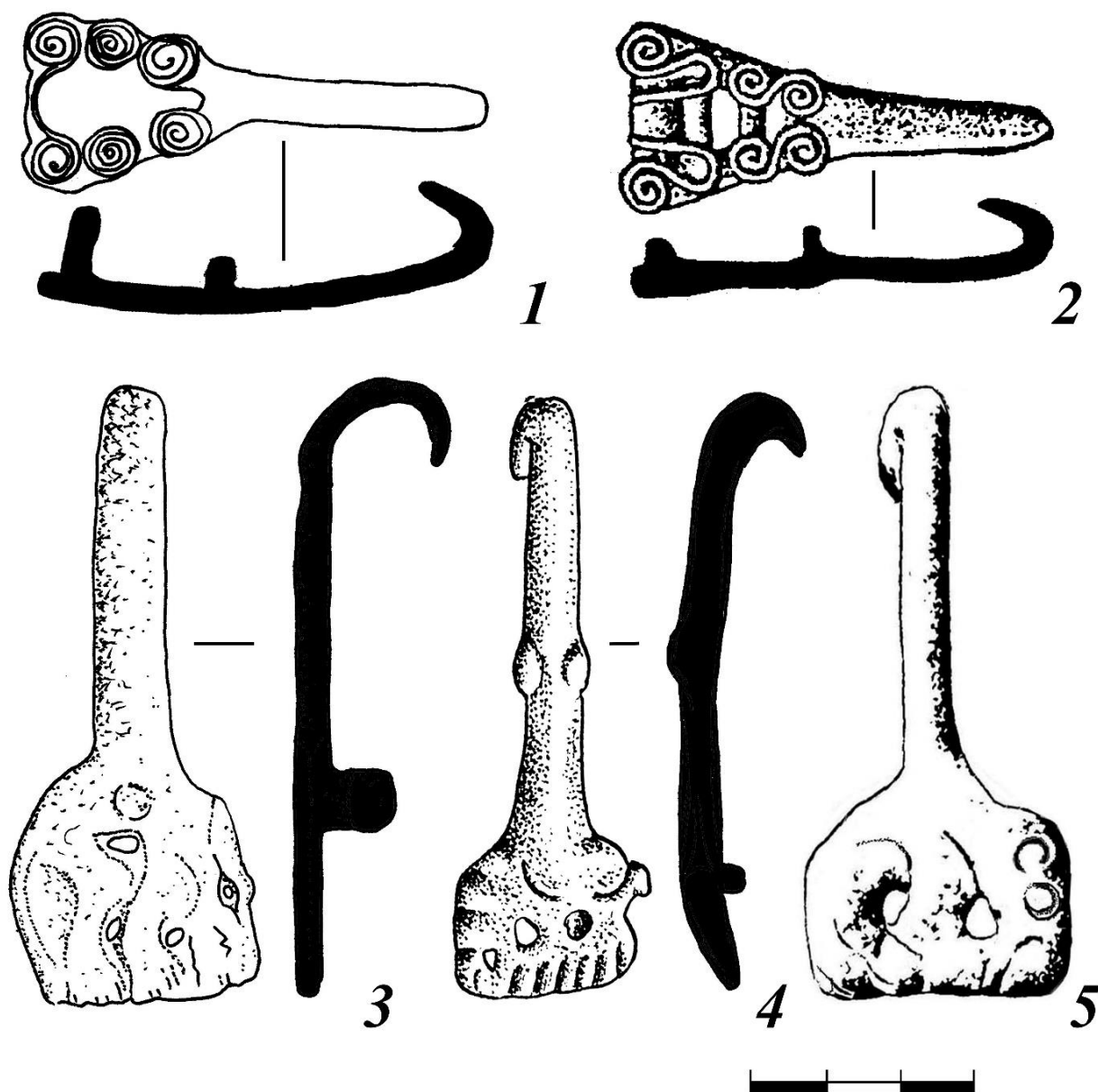

Рис. 1. Металлические поясные крючки
1, 2 – Уфимский могильник; 3 – гора Курмантау; 4, 5 – Шиповский могильник;
1, 2, 4, 5 – бронза; 3 – железо

Импортная керамика в раннескифских погребениях Нижнего Дона¹

Важнейшим датирующим материалом для раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона является греческая керамика.

Наиболее ранним надежно датированным погребальным комплексом является Красногоровка III 14/5, которое, судя по датировке двух транспортных амфор – самосской и клазоменской, не может относиться ко времени позже последней четверти VII в. до н. э. Клазоменские амфоры I группы относятся к 650–620 гг. до н. э. (*Sezgin*, 2012. P. 170. Fig. 1). Вторая амфора относится к I группе самосских амфор и датируется 630–600 гг. до н. э. (*Sezgin*, 2012. P. 170. Fig. 1).

Концом VII – первой половиной VI в. до н. э. датируется амфора из погребения 25 кургана 1 могильника Хапры (*Монахов*, 2003), недавно отнесенная к производству Теоса (*Sezgin*, 2012. P. 24).

Милетская транспортная амфора из Новоалександровки I 7/8 отнесена Ю. Сэзгиным к типу MIL2 и датирована 650–600 гг. до н. э. (*Sezgin*, 2012. P. 160). Ту же дату предлагает и М.Н. Дараган, отметив, что амфоры указанного типа не встречаются в комплексах VI в. до н. э. (*Дараган*, 2010. С. 189).

Ионийская столовая амфора из могильника Аксай I 3/3 датирована авторами раскопок второй половиной VI в. до н. э. (*Дьяченко* и др., 1999. С. 96. Рис. 5). А.Ю. Алексеев и М.Ю. Вахтина датируют амфору 560–500 гг. до н. э., а само погребение на основании комплекса вещей – серединой – третьей четвертью VI в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 202). В.П. Копыловым была предложена другая дата – первая половина VI в. до н. э. (*Копылов*, 2001. С. 22). С ним согласна М.Н. Дараган, которая указывает, что Е. Вальтер-Кариди датирует амфоры, аналогичные сосуду из погребения 3, первой половиной VI в. до н. э. (*Дараган*, 2010. С. 194).

В погребении Бушуйка 2/10 обнаружена архаическая столовая амфора, относящаяся ко времени не позднее середины VI в. до н. э., что подтверждается сходным орнаментом на горлах милетских амфор, отнесенных Ю. Сэзгиным к типу MIL5 (*Sezgin*, 2012. P. 173).

В процессе исследования «Поселения Кулешовка II» в погребении 150 была обнаружена расписная ойнохоя, датированная авторами публикации VI–V вв. до н. э. (От Азова до Моздока, 2019. С. 86). Данный сосуд можно отнести к продукции северо-ионийских центров VI в. до н. э.

Два фрагмента горла фигурных ваз, заканчивающихся головами барана (Криворожье) и быка (р. Цуцкан), происходят из разрушенных комплексов. Аналогичное горло в виде головы быка, относящееся к хиосской продукции конца VII в. до н. э., приводит Дж. Бордман (*Boardman*, 1998. P. 145, 160. Fig. 312).

Таким образом, самые ранние надежно датированные импортной керамикой раннескифские комплексы Нижнедонского региона относятся к третьей четверти – концу VII в. до н. э.

Литература

Алексеев А.Ю., 2003 Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Государственный Эрмитаж. 416 с.

Дараган М.Н., 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой могилы // Античный мир и археология. Вып. 14. С. 175–202.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 93–126.

Копылов В.П., 2001. Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII в. до н. э. – третья четверть VI в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Ростовский педагогический университет. С. 20–24.

Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Саратовский университет. 352 с.

От Азова до Моздока. Ростов-на-Дону: ОКН-проект, 2019. 134 с.

Boardman J., 1998. Early Greek Vase Painting. 11th–6th centuries BC. A Handbook. London: Thames and Hudson. 287 p.

Sezgin Y., 2012. Ionian trade amphorae of archaic period. Istanbul: Ege Yayınları. 344 p.

А.А. Русакова (Ростов-на-Дону)

Лекифы в погребальном обряде варварского населения Нижнего Дона в скифское время

Греческая расписная керамика достаточно часто встречается на варварских памятниках Северного Причерноморья как на поселениях, так и в погребениях. Лекифы являются одной из самых распространенных форм сосудов, что, возможно, является влиянием эллинского погребального обряда (Вдовиченко, 2008. С. 41).

Территориально находки расписных сосудов распределены крайне неравномерно: на Нижнем Дону в погребениях за пределами островной части дельты Дона они почти не встречаются. В то же время в Елизаветовском могильнике расписная и чернолаковая керамика обнаружена примерно в 25 % всех погребальных комплексов (Марченко и др., 2000. С. 224), однако по большей части это различные чернолаковые сосуды для питья вина. Расписные арибаллические лекифы в количестве 7 экз. были обнаружены в 5 погребениях. Изображения на них распределяются следующим образом: лань влево (1 экз.), лебедь вправо (1 экз.), лекифы с сетчатым или точечным орнаментом (3 экз.), с пальметтой (1 экз.), с полосой по тулову (1 экз.). В двух случаях лекифы располагались в ногах погребенного совместно с амфорами и чернолаковыми сосудами, в одном – рядом с черепом вместе с туалетными сосудиками (погребение определено как женское). Сразу три лекифа – с сетчатым, точечным орнаментом и пальметтами – были обнаружены в комплексе-кенотафе совместно с амфорой, чернолаковыми сосудами, сероглиняным кувшином и россыпью бус. Кроме того, еще в одном случае простой чернолаковый лекиф располагался в районе таза погребенного рядом с зеркалом.

Единственная находка расписного лекифа на Нижнем Дону за пределами Елизаветовского могильника происходит из курганной группы Высочино IX. Краснофигурный арибаллический лекиф с изображением женской головки вправо и пальметты располагался в мужском погребении в головах рядом с двумя наконечниками копий.

Отсутствие единообразия в сюжетах лекифов, помещаемых в погребение, наблюдается и в других регионах Северного Причерноморья. Более того, анализ сценического репертуара почти 2000 аттических арибаллических лекифов позволяет утверждать, что на Нижнем Дону представлены одни из наиболее распространенных сюжетов росписей этого типа сосудов. Так, женские головки встречаются на 11,5 % арибаллических лекифов, лань и лебедь являются самыми популярными животными после кошачьих, а на лекифы с пальметтами приходится более 16 % от всех изображений. Эти данные подтверждаются и для других

регионов. По всей видимости, в погребальном обряде варварского населения назначение сосуда было важнее, нежели изображение на нем, и в погребение попадали те сосуды, что были на рынке.

Литература

Вдовиченко И.И., 2008. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь: Сонат. 351 с.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П., 2000. Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф. 281 с.

С.Ю. Сапрыкин (Москва)

Трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» как источник по истории Херсонеса Таврического

Миф об Артемиде и Ифигении, используемый Еврипидом, афинским трагиком V в. до н. э., соответствовал сведениям Геродота. Вероятно, Еврипид пользовался также сведениями перипла Скилака VI в. до н. э., до нашего времени не дошедшего, но известного в более позднем варианте перипла псевдо-Скилака IV в. до н. э. Миф о похищении Ифигении Артемидой, спасшей ее от принесения в жертву Посейдону ее отцом Агамемноном ради беспрепятственного плавания ахейцев под Троем перенесением ее в Северное Причерноморье, очень древний. Он фигурировал в творчестве поэтов архаической эпохи накануне и в период греческой колонизации. Однако у Еврипида он имеет ряд важных подробностей. Орест, по версии мифа у Еврипида прибывший в Таврику в поисках своей сестры Ифигении, приплыл туда на корабле от проливов Босфор и Дарданеллы («сквозь сбегающиеся скалы Симплегады»), вдоль побережья Фракии («неусыпные Финевы берега»), мимо острова Левка («в изобилующую птицами землю, на белый берег»), мимо Ахиллова Дрома (Тендры) «на негостеприимном Понте» (стк. 421–438). Это традиционный маршрут греческих колонистов к северным берегам Понта. Он описан в перипле Скилака, а также приводится Эсхилом в трагедии «Прикованный Прометей». Описание плавания героев трагедии Ореста и Пилада заимствовано Еврипидом из этого перипла, или же он мог получить данные о нем от эллинских путешественников, торговцев и колонистов. На возможность использования трагиком сведений первых ионийских мореплавателей указывает характеристика Черного моря как «Негостеприимного Понта», бытовавшая до греческой колонизации или в первые ее годы. Оракул Аполлона, покровителя эллинских колонистов Понта, предписавший Оресту отплыть на север Причерноморья в Крым к таврам, напоминает оракулы, получаемые греческими колонистами во главе с ойкистами в Дельфах и Дидимах для основания апойкий, в том числе Херсонеса Таврического.

Большое значение имеют детали мифа в трагедии Еврипида. Упоминание храма, где царь тавров Тоант сделал Ифигению жрицей, совпадает с местоположением храма и теменоса богини Девы в северо-восточном секторе Херсонеса на мысу Парфений. Описание его соответствует дорическому ордеру храма Девы на мысу Парфений, перестроенного в IV–III вв. до н. э., о чем можно судить по фрагментам его антаблемента. Расселина, где прятались от тавров Орест и Пилад – т.н. пещера нимф («подземный храм в III квартале»), также находится в этом районе. О ней сообщается у Помпония Мелы, пользовавшегося очень древними источниками, также восходящими к местной традиции. Религиозные праздники Артемиды напоминают ежегодные Парфении в честь богини Девы. Трагик говорит о стенах полиса, полисе тавров, законах полиса, горожанах, гражданах-политах, о гонце в город, чтобы тавры не покидали домов до окончания очистительного ритуала богини (стк. 876, 1212, 1226, 1422). Обычай и законы (*νόμος*) полиса (*πόλις*) указывают на то, что под таврами,

у которых не существовало ни полисов, ни законов, подразумевался Херсонес Таврический. Празднества в честь Артемиды-Девы организовывались полисной общиной, поскольку богиня считалась спасительницей и охранительницей граждан. Во время их проведения выносили статую богини, имитируя ее чудесные появления (эпифании), приносящие гражданам спасение (IOSPE P. 343). Отсюда и выражение Еврипида, что «имя этого праздника прекрасно» (стк. 36). Создается впечатление, что действие происходит в греческом городе, а тавров и место действия трагедии Еврипид условно соотнес с Херсонесом Таврическим, колонией Гераклеи Понтийской в Крыму, основанной в конце второй четверти – середине или в начале третьей четверти V в. до н. э. Столь подробные детали подразумевают хорошее знакомство Еврипида с херсонесскими нравами и обычаями, поэтому афинский драматург объединил сведения Геродота и местной херсонесской хроники, составлявшейся жрецами храма Девы и местными историками со времени основания Херсонеса и на протяжении всей истории античности. Тавров же под влиянием Геродота Еврипид использовал для придания большего трагедийного пафоса его пьесе.

Однако у Геродота и Еврипида название Херсонеса отсутствует, а место трагедии сокрыто под общим понятием «Таврика» и «тавры». Трагедия была написана и поставлена в Афинах в 415–413 гг. до н. э. для восхваления Афин и их превосходства в Элладе. В годы Пелопонесской войны у Афин и их союзников особенно ярко проявилась антимегарская позиция, поскольку Мегары являлись союзником Спарты. Такие же настроения господствовали и у афинской публики. Херсонес же после основания был назван Мегарикой в память о его прародине Мегарах, поскольку первые его колонисты прибыли из Гераклеи Понтийской, колонии Мегар. Чуть позднее его какое-то время называли Гераклеей (Plin. IV. 85). В конце V – начале IV в. до н. э., когда город обрел полисный статус, получил пространственно-территориальное устройство по гипподамовой системе и начал выпускать монету, он получил название Херсонес. Древнее наименование колонии в память о Мегарах противоречило устоявшейся в V в. до н. э. идеологии и позиции Афин, особенно в годы соперничества со Спартой и Мегарами. Когда Геродот и Еврипид создавали свои произведения, город именовался Мегарикой, поэтому оба автора, особенно Еврипид как патриот Афин, не упомянули этого названия, ограничившись описанием тавров и ссылкой на Таврику. В то время Херсонес был еще малозначительным городом и не представлял для эллинов большого интереса. О нем умолчали логографы и Геродот, поскольку о нем ничего не было сказано в перипле Скилака VI в. до н. э., когда Херсонеса еще не существовало. Если Геродот и Еврипид пользовались этим периплом и данными логографов, то отсутствие названия этого города у проафински настроенных авторов вполне объяснимо.

Н.Н. Спасская, А.Р. Канторович, В.Е. Маслов (Москва)

**Анализ остеологических остатков лошадей из скифского курганного могильника
Новозаведенное III на Ставрополье**

Захоронение принесенных в жертву коней – один из характерных компонентов скифского погребального обряда, о чем свидетельствуют как археологические, так и письменные источники (Herod., IV, 72–73). В докладе представлены основные результаты обследования Н.Н. Спасской остеологических остатков лошадей из скифского курганного могильника Новозаведенное III (курганы № 1–10, 12), датируемого концом V–IV в. до н. э. Материалы получены в ходе раскопок 2015–2020 гг. Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ под руководством А.Р. Канторовича (соавтор раскопок – В.Е. Маслов, ИА РАН). В связи с ограбленностью курганов в древности, материал был в значительной степени разрозненным, средней и плохой сохранности.

Анализ материалов был нацелен на решение следующих вопросов: местонахождение в кургане и распределение особей по отдельным локализациям, пол и индивидуальный возраст, хозяйственное использование и экстерьерные особенности животных.

Всего в ходе раскопок были обнаружены остатки 37–40 особей, которые находились: 1) в насыпях курганов; 2) в конструктивно-ритуальных рвах, окружавших курганы; 3) в могильных камерах под курганами, сопровождая покойных. В первом и втором случаях — это свидетельства массовых ритуальных мероприятий и/или поминальных трапез, в третьем — лошади, очевидно, рассматривались как жертва или «транспорт» в иной мир. Неизменно умерщвлялись половозрелые животные. Пол удалось определить только для трех особей из рвов — они оказались жеребцами. При этом во рвах обнаружены остатки как ездовых, так и табунных животных.

Морфометрические измерения позволили установить экстерьерные параметры лошадей. Они были в основном малого и среднего роста (до 144 см в холке). По степени грацильности скелета встречались животные от тонконогих до полутолстоногих. По аллюрности лошади относились к шаговым. По общему экстерьеру они оказались сходны с современными аборигенными породами степной группы (см. также *Спаская* и др., 2018; 2021а; 2021б).

Литература

Спаская Н.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2018. Что мы знаем о скифских лошадях Северного Причерноморья и Предкавказья? // *Степи Северной Евразии. Материалы VIII международного симпозиума* / Науч. ред. А.А. Чибилев. Оренбург: Институт степи УрО РАН. С. 938–941.

Спаская Н.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2021а. Особенности использования лошадей в погребальном обряде скифами Предкавказья и Северного Причерноморья: предварительное сообщение // *Степи Северной Евразии. Материалы IX международного симпозиума [Электронный ресурс]* / Науч. ред. акад. РАН А.А. Чибилев. Оренбург: ОГУ. С. 764–768.

Спаская Н.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г., Белинский А.Б., Васильева Е.Е., Колтакова А.В., Мошинский А.П., Рябкова Т.В., Саблин М.В., Шишилов А.В., Федоренко Н.В., Павлинов И.Я., 2021б. Экстерьерные особенности лошадей скифского времени из археологических памятников Северного Кавказа // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. № 3. С. 63–120.

М.Ю. Трейстер (Бонн)

Античные импорты в кочевнических погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья второй половины IV – первой половины III века до н. э.

В архаическую эпоху античные импорты, довольно неплохо представленные в раннескифских погребениях на Нижнем Дону, в погребениях кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья практически неизвестны.

Анализ археологических источников показывает, что во второй половине IV в. до н. э. к кочевникам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья поступают импортные бусы и подвески из стекла, фритты и янтаря, а несколько позже, на рубеже IV–III и в первой трети III в. до н. э., кроме того и античный керамический импорт, а, возможно, и отдельные сосуды из драгоценных металлов, алебаstra и оникса. Отдельного внимания заслуживает халцедоновый скарабеоид конца V – первой половины IV в. до н. э. с изображениями кобылы и жеребенка из недавних раскопок на Южном Урале, найденный в погребении,

датированном не ранее первой половины III в. до н. э. В Нижнее Поволжье попадают также ольвийские бронзовые «борисфены» конца IV – III в. до н. э.

Если для V и большей части IV в. до н. э. импортные изделия, попадавшие в Южное Приуралье, были представлены главным образом изделиями ахеменидского круга, то после падения державы Ахеменидов и последовавших в результате этого события геополитических изменений в Нижнее Поволжье и на Южный Урал начинают поступать импортные изделия из/через Северное Причерноморье. Интересно, что в погребениях на р. Маныч и в Нижнем Поволжье, находки транспортных амфор сочетались с однотипными чернолаковыми мисочками, а находка еще одной такой мисочки в Южном Приуралье позволяет предполагать, что такие сосуды пользовались особенной популярностью среди кочевников, пусть они и не поступали в рамках одной партии.

Приведенные нами наблюдения достаточно убедительно подтверждают гипотезы Д.Б. Шелова и И.Б. Брашинского: имеются основания предполагать, что бусы и подвески, а также амфоры, чернолаковая посуда и монеты могли поступать к кочевникам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья именно через Елизаветовское городище в устье Дона. Бусы и подвески – вероятно, еще через скифское городище с функционировавшими на нем различными производственными и торговыми комплексами, разрушенное предположительно в 340-х годах до н. э., а керамика и монеты – уже через так называемую боспорскую колонию, основанную на месте городища в последней четверти IV в. до н. э. и просуществовавшую до середины 70-х годов III в. до н. э.

Чжун Сукбэ, Чо Гёнми (Пуё) **Зооморфные поясные крючки со щитком из Кореи**

В Корею, особенно на юго-востоке и в центрально-западной части, зооморфные поясные крючки (далее: ЗПК) были широко распространены в I в. до н. э. – IV в. н. э. Их известно 386 экз.: 16 в виде тигра и 370 в виде лошади. В Северной Корее найден только 1 экз. в виде тигра.

ЗПК в основном изготовлены из бронзы, но есть и железные (2 экз.), и керамические (скорее всего, погребальные; 33 экз.). ЗПК в основном состоят из двух частей: щитка и стержня. При этом щиток оформлен в виде животного. На оборотной стороне щитка имеется шпенок, с помощью которого он прикрепляется к поясу; конец стержня изогнут, чтобы застегивать пояс.

В ЗПК больше всего привлекает внимание щиток в виде животного. Наружная поверхность имеет выпуклый рельеф, внутренняя – вогнутая или плоская, образованная при литье. Тигр и лошадь изображены в профиль. Тигр изображен полулежа с подогнутыми вперед передними и задними лапами, лошадь – в позе стоя. По сравнению с ЗПК из других районов Евразии у корейских крючков всегда: 1) голова направлена вперед, 2) стержень расположен в передней части животного, 3) загнутый конец стержня обращен наружу, 4) шпенок на обратной стороне щитка оформлен в виде гриба. Кроме того, зооморфные мотивы ограничены тигром и лошадью, всегда изображена целая фигура животного. Пластинка между ногами у лошади также является одной из характерных черт корейских ЗПК.

ЗПК трансформировались со временем. Что касается крючков со щитком в виде тигра, то изображение тигра изменялось от реальной формы к абстрактной, уши от округлых к треугольным, размещение ушей сдвигалось с верхней части затылка к макушке, бедренная часть менялась от опущенной к поднятой, конец хвоста эволюционировал от спирали к диску с вырезанной спиралью и просто к диску, задняя нога от подогнутой острым углом к прямоугольной. Орнаментация сначала отсутствовала, потом она появилась вокруг рта, на шее и талии, потом распространилась на грудь и бедра, а потом исчезла (김구균, 2000).

Крючки со щитком в виде лошади появились чуть позднее, чем крючки со щитком в

виде тигра, но скоро они стали стандартными в Корее. Крючки со щитком в виде тигра датируются первой половиной I в. до н. э. – первой половиной III в. н. э., а крючки со щитком в виде лошади – I–IV вв. н. э. Общая форма лошади во все время их существования, можно сказать, была почти реальной. Однако детальное изображение глаз, ушей и др. со временем исчезает, также меняется оформление задней ноги. Орнамент изменялся почти так же, как и у крючков со щитком в виде тигра. Стержень сначала был на месте груди, потом в верхней части передней ноги. Кроме того, со временем уменьшились размеры самого крючка (김성욱, 2010).

Давно считалось, что корейские ЗПК восходят к культуре кочевников, представителем которой является скифская культура, однако пришли они через территорию Китая (김구군, 2000). Об их происхождении и сейчас существуют разные мнения.

ЗПК со щитком в виде тигра, найденные в Корее, в целом имеют много общего с подобными крючками из Китая эпохи Западной Хань: направленная вперед голова, стержень в грудной части, изогнутый конец стержня направлен всегда вперед, шпенок в виде гриба, полулежачая поза с подогнутыми вперед ногами, перевернутая S-образная форма хвоста, похожее изображение морды и пр. Следовательно, как отмечали Ким Гугун (김구군, 2000) и Ким Дониль (김동일, 2019), ЗПК со щитком в виде тигра, вероятно, происходят от подобных крючков эпохи Западной Хань, найденных на территории Китая.

Что касается ЗПК со щитком в виде лошади, то еще нигде вне территории Кореи не найдено аналогий с такими же формой и конструкцией. Вместе с тем можно обнаружить в них немало общего с корейскими крючками со щитком в виде тигра. Поэтому, как отмечают разные исследователи, следует считать, что ЗПК со щитком в виде лошади произошли от крючков со щитком в виде тигра. Однако пока не понятно, почему образ тигра сменился образом лошади.

Если далее рассматривать вопрос происхождения ЗПК, то можно обратиться к зооморфным крючкам культуры Юйхуанмяо в Северном Китае, датируемых ранним периодом эпохи Весны и Осени (см. 北京市文物研究所編著, 2007). ЗПК с территории Китая эпохи Весны и Осени (770–476 гг. до н. э.), Сражающихся царств (475–221 гг. до н. э.) и Западной Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.) изменялись со временем по видам животных, месту стержня и др., и конец стержня загнут в том же направлении, что и у корейских.

Все известные сейчас ЗПК из Приуралья и юго-западной части России датируются серединой V – началом IV вв. до н. э. (Гуляев, 2016). Отметим, что ЗПК из этих районов отличаются от найденных в Китае и Корее: изогнутый конец стержня у них обращен назад, имеются и другие отличия. Поэтому они скорее имели разное происхождение. Но нужно учитывать, что изображения животных на щитках поясных крючков культуры Юйхуанмяо с имеющейся скифской триадой являются частью скифского звериного стиля.

Литература

Гуляев В.И., 2016. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии. Каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

김구군, 2000, 「호형대구의형식분류와 편년」, 『경북대학교 고고인류학과 20주년 기념논총』.

김동일, 2019, 「동북아시아 호형대구의 표상과 한반도 출토 호형대구의 기원 연구」, 『고고광장』 25.

김성욱, 2010, 『한반도 마형대구의 편년과 지역상』, 고려대학교 대학원 석사학위논문.

北京市文物研究所 編著, 2007, 『軍都山墓地 - 玉皇廟』, 文物出版社.

О.В. Шаров, Н.Ю. Новоселова (Санкт-Петербург)

Склеп 1891 года из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе

В 2020 г. Комплексная Херсонесская археологическая экспедиция ИА РАН, Государственного Эрмитажа и ГИАМЗ «Херсонес Таврический» проводила исследования участка за стенами древнего Херсонеса, отведенного для создания будущего «Историко-археологического парка “Херсонес Таврический”». При проведении археологических работ особое внимание было уделено локализации погребальных памятников античного некрополя Херсонеса, частично исследованного в конце XIX – начале XX в.

Первые раскопки южного некрополя за оборонительными стенами Херсонеса провел К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1891 г., однако идентифицировать расположение погребальных сооружений на местности до 2020 г. было крайне затруднительно.

В одном из шурфов (№ 14), заложенном ниже X башни оборонительной стены Херсонеса, был обнаружен вырубленный в скальном массиве склеп, ориентированный по оси СЗ-ЮВ. Склеп имел входную яму размерами 0,82 × 1,60 м и невысокий (до 0,13 м) бортик у юго-западной стороны. Дно входной ямы было неровное и спускалось к дромосу на глубину 0,52 м от поверхности скалы. Камера склепа лежала ниже дромоса на 0,87 м и имела по дну в плане полукруглую форму размерами 2,21 × 2,34 м. Высота свода в самой верхней части составляла 2,02 м, а в самой низкой точке – 1,77 м. На противоположной от входа стене, на высоте 1,47 м от дна камеры была высечена арочная ниша размерами 0,42 × 0,52 и глубиной 0,30 м.

Полуциркулярный план склепа – нетипичный для некрополя Херсонеса и наличие ниши для установки известнякового оссуария позволили точно идентифицировать данный склеп с раскопанной в 1891 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем катакомбой № 23/1891.

Нетипичная для Херсонеса форма катакомбы 23/1891 была отмечена еще В.М. Зубарем. Исходя из анализа погребального инвентаря, описанного в Отчете Археологической Комиссии за 1891 г., В.М. Зубарь определил дату функционирования склепа как I–III вв. В настоящее время можно не только более точно определить дату совершения в склепе захоронений, но и проследить их последовательность на основании обнаруженных в этом комплексе надписей, начертанных на урнах и на оссуарии. Кроме того, в результате проделанной работы были собраны комплексы погребального инвентаря, распределенные в конце XIX в. разным по музеям.

Ф.В. Шелов-Коведяев (Москва)

Учетная запись на гераклеийской амфоре из Керченского музея

В 2019 г. я перечитал изданное С.Ю. Сапрыкиным на шесть лет ранее граффито на гераклеийской амфоре (тип I–2, классификация С.Ю. Монахова; рис. 1). Моя аутопсия дала следующее:

νΣΚΥΘΑννΝΜΑΛΗ
ΝΙ)ΧΚΑΙννΗνΡΣΥΝΠΛΘ
ΗΜΧΙΑΙ —.

В стк. 1 я прочитал родительные падежи ЛИ Скифа (в регулярной для диалекта Мегар – метрополии Гераклеи Понтийской – форме) и Малета в сокращении Μάλη(τος), подчеркнув, что оба антропонима обязаны своей рецепцией греками, как о том писал Луи

Робер, тому, что изначально они были адаптированы в семьях, имевших деловые контакты с соответствующими регионами. В стк. 2 я нашел сокращенный генитив теонима Гера – *Ἡρ(α)ς* – и ее новой эпитеты Споспешествующей в плавании: *Σύνπλο(ς) = Σύμπλο(ς)*. Я отметил, что ономастические лексемы перемежаются и оканчиваются цифровыми обозначениями и обещал дать полную публикацию памятника.

На мою заметку откликнулись С.Ю. Сапрыкин, А. Аврам и Л.Г. Елисеева. Из важного отмечу, что покойный ныне Александру Аврам солидаризировался со мною в чтении АН Скифа, предложив *Σκύθα<ς>* (что, исходя из правил дорийского диалекта, менее подверженного влиянию койнэ, чем ионийский, необязательно) и *Σύνπλο*, но сомневался в имени Геры. Но хотя прекрасная фотография С.Ю. Монахова не позволяет с необходимой точностью увидеть в стк. 2 после *ἔτι – ρο*, при очном ознакомлении с амфорой наличие *ρο* бесспорно.

Остается идентифицировать наличествующие в граффити цифры. Ключ к тому дает *χι*, стоящее на четвертом месте во второй строке. Раскрыв его, по аналогии с другими, как аббревиатуру наиболее ходовой меры жидких тел у древних греков – хуса/хоя (3.24 л), получаем, что доля Скифа в перевозившейся партии были 50 хоев (162 литра, или примерно 12 амфор того рода, на который было нанесено граффито: объем типа I–2, по расчетам С.Ю. Монахова, составлял в среднем 13.5 литров, или 4 хоя), Малета – 51.5 хус (13 амфор), а Геры Споспешествующей в плавании (ее святилища в Крыму) – 500 хоев (1620 литров, или 125 амфор): слова «половина» (*ἡμίσι*) и «тысяча» (*χιλιάς*) даны, как тут принято, с усечением. Количество товара, вполне подходящее для одного судна, даже – с запасом.

Граффито «Скифа 50, Малета 51.5, Геры Споспешествующей в плавании полтысячи» – памятка, чтобы каждый получил по прибытии причитающееся ему. Простая хозяйственная запись (о перечислении в подобных документах рядом частных лиц и святилищ см. *Bulletin épigraphique*) замечательна тем, что дарит новый эпитет Геры.

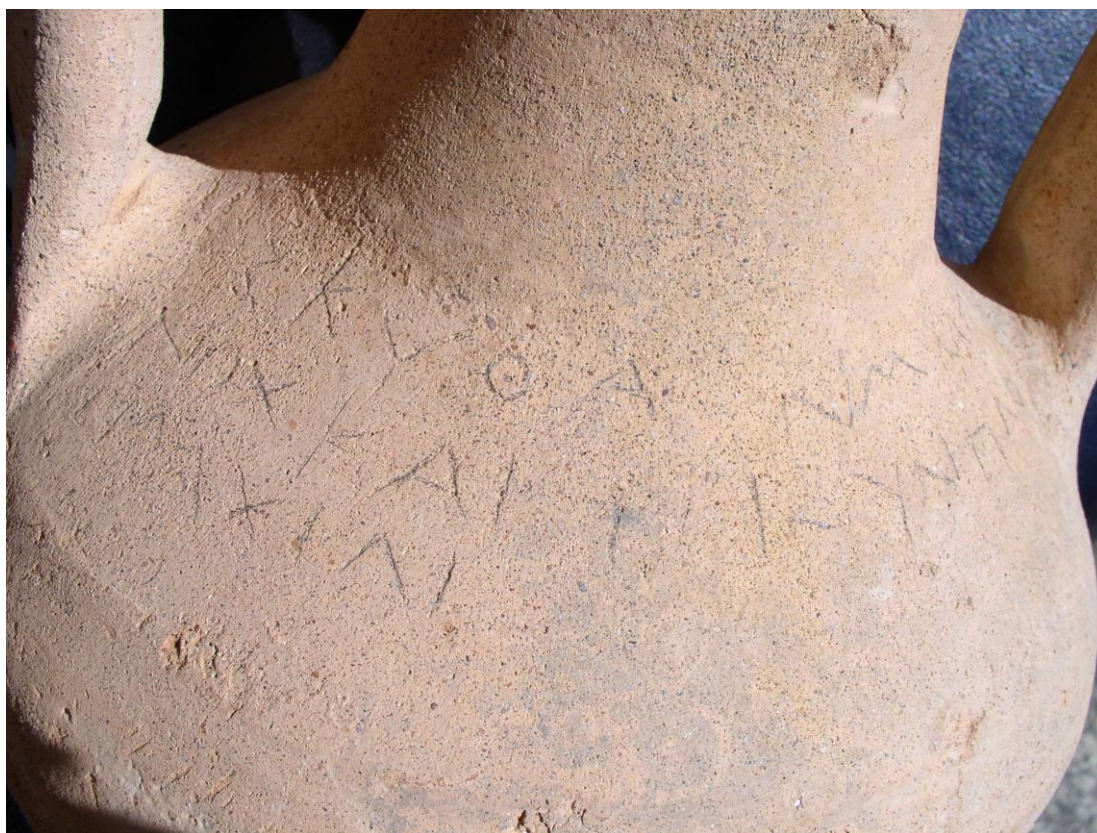

Рис. 1. Гераклеяская амфора из Керченского музея

*Н.И. Шишлина, А.А. Строков, Н.В. Леонова, А.В. Бобыльских
(Москва)*

Сарматы Сальских степей: данные изотопных исследований и радиоуглеродного датирования¹

На рубеже эр обширные степные территории в междуречье Маныча и Сала населяли сарматские племена. Исследование их погребальных памятников до сих пор велось традиционными археологическими методами. Степная археологическая экспедиция ГИМ начала комплексные междисциплинарные исследования сарматских памятников рассматриваемой территории. Это, прежде всего, AMS-датирование углеродсодержащих образцов из захоронений, позволяющих получить независимые абсолютные даты, а также изучение отношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ – метод, активно применяющийся при изучении вопросов мобильности населения.

В рамках пилотного проекта эти методы использовались при анализе богатого погребения среднесарматской эпохи, исследованного в могильнике Песчаный IV (курган 12, погребение 1). В нем была погребена женщина 30–40 лет с уникальным инвентарем. Ее сопровождали два бронзовых литых котла, глиняная посуда, костюм с аксессуарами (две бронзовые фибулы, халцедоновая гемма, бусы, золотые нашивные бляшки и нити). Для датировки погребения важное значение имеют находки котлов (типа VI-1-A и XI-1-A, по С.В. Демиденко), двух импортных фибул (типа Алезия и *Kostrzewski-N a*), а также халцедоновой геммы с изображением вооруженного Амура, позволяющих датировать погребение I в. н. э. Нами было проведено радиоуглеродное датирование костей человека и древесины из этого погребения (Гронингенская, Нидерланды, и Познанская ^{14}C лаборатории). Радиоуглеродный возраст образцов совпал (2020 ± 30 BP). Смоделированная по двум образцам дата – 53 г. до н. э. – 63 г. н. э. (2 σ , 95 %), 42 г. до н. э. – 14 г. н. э. (1 σ , 68 %) в сочетании с детальным анализом хроноиндикаторов позволяет сузить датировку комплекса до первой половины I в. н. э.

Для измерения отношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ был исследован первый моляр погребенной, а также фоновые образцы биодоступного стронция Сальско-Манычских степей. $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зуба погребенной в могильнике Песчаный IV – 0,7093. Фоновые значения подстилающих геологических пород периода неогена вдоль балки Песчаная, где находится могильник, варьируют в пределах 0,7084–0,7088; в районе балок Чикалда, Волочайка и Улан, расположенных к западу и юго-западу, где преобладают подстилающие породы периода неогена – 0,7091–0,7098. По результатам анализа отношения изотопов стронция в эмали зуба погребенной и в фоновых образцах можно предположить, что женщина, погребенная в могильнике Песчаный IV, не проживала в течение своей жизни в районе балки Песчаная, где она была погребена. Близкие вариации отношений изотопов стронция, более радиогенные, чем фоновые показатели места захоронения, характеризуют балочные системы, расположенные к югу – юго-западу. Скорее всего, женщина была местной жительницей, родилась в бассейне р. Маныч, в течение жизни кочевала в междуречье Маныча и Сала и была похоронена примерно в 40–70 км к востоку от вероятного места рождения, прожив в Сальско-Манычских степях всю жизнь.

Таким образом, благодаря применению комплексного подхода нам удалось извлечь из археологического источника «скрытую» информацию, получение которой традиционными методами невозможно, и восстановить «биографию» знатной среднесарматской женщины, кочевавшей на юго-восточной окраине ареала этой культуры.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 21–18–00026.

С.Ю. Янгулов, М.Ю. Русаков (Ростов-на-Дону)
Бронзовые наконечники стрел из погребения скифского времени
могильника Высочино IX

В 2020 г. археологической экспедицией ЮНЦ РАН и ДГТУ в Азовском районе, на водоразделе Дона и Кагальника был исследован курган 1 могильника Высочино IX.

В одном из погребений (№ 5), датируемом как и центральное греческой импортной керамикой наряду с другими предметами вооружения (меч с рукоятью, плакированной золотой фольгой, два наконечника копий, пращевой камень) первой третью IV в. до н. э., был обнаружен довольно представительный набор разнообразных бронзовых и железных наконечников стрел (бронзовых – 185 экз., железные не поддаются учету из-за плохой сохранности).

Благодаря хорошей сохранности бронзовых наконечников нам удалось выделить 14 вариантов. Из них большинство составляют трехгранно-трехлопастные, с трехгранной головкой (как правило, треугольной, редко сводчатой) в верхней части, с короткой выступающей втулкой, с ложком на 1,2–2/3 высоты головки, с заостренными концами лопастей. Кроме того, значительно число трехгранных и трехлопастных наконечников со скрытой втулкой, опущенным ниже втулки одним концом грани (лопасти), образующим шип. Выделенные типы известны и характерны не только для комплексов европейской Скифии. Сочетание в колчаных наборах наконечников подобных типов встречается в комплексах Южного Приуралья.

Некоторые наконечники имеют рельефные литые метки в виде знаков, нанесенных на ложки в различных сочетаниях. Наиболее частыми в рассматриваемом наборе являются литые рельефные метки в виде различных вариаций креста. В большинстве случаев он изображен на трех или двух ложках наконечника, реже на одном. Как правило, такие метки нанесены на трехгранно-трехлопастные (в верхней части трехгранные головки) наконечники.

Подобные метки встречаются на наконечниках стрел, происходящих из различных районов Северного Причерноморья. Исходя из этого, возможно метки в виде креста следует перенести из разряда несерийных, к которому они были отнесены М.Н. Дараган в недавно опубликованной работе, посвященной литым меткам в виде крестов на скифских бронзовых наконечниках стрел (Дараган, 2020), в серийные. Это подтверждается А.Ю. Алексеевым, В.Ю. Мурзиным и Р. Ролле, считающими, что на наконечниках стрел из погребений скифских царей «очень распространены разнообразные по пропорциям метки в виде креста» (Алексеев и др., 1991. С. 96).

Литература

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). К.: Наукова думка. 416 с.

Дараган М.Н., 2020. Литые метки на скифских наконечниках стрел как хроноиндикаторы: метка крест // МАИАСП. № 12. С. 247, 248.

Список сокращений

ГИАМЗ – Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ДГТУ – Донской государственный технический университет
ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская Археологическая комиссия

МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового

Причерноморья

МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

НИИ – научно-исследовательский институт

ОГУ – Оренбургский государственный университет

ООИД – Одесское общество истории и древностей

ООО «Продис. НДТ» – Общество с ограниченной ответственностью «Промышленные
диагностические системы и технологии»

РАН – Российская академия наук

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЮНЦ – Южный научный центр